

В.К.Харченко. Детское сквернословие // Дошкольное воспитание. – 2009. – № 5. – С. 15-17. – 0,4 п.л.

В.К. Харченко

ДЕТСКОЕ СКВЕРНОСЛОВИЕ

Примеров не будет. Привести пример то же самое, что произнести, да еще написать, напечатать, опубликовать на всю страну, закрепить в общественной памяти, то есть влияющем на всё и вся коллективном бессознательном. Впрочем, иллюстрации и не нужны. Родители дошколят и работники учреждений, когда-то прекрасно называвшихся детскими садами, знают, о чем речь, и знают, как правильно реагировать на услышанное: *Не говори так, это плохое слово! – А во дворе пацаны говорят! – Ну и что? А ты своей головой думай!* И – закрыть тему. Можно просто поморщиться. Дети великие физиономисты, они с младенчества читают по лицу (и по интонации) так, будто готовятся стать профессиональными психологами, другое дело, что не всегда комментируют свои «полевые» наблюдения, то есть прочитанную мимику папы и мамы.

Одно слово, разумеется, не поможет, но ведь оно рассчитано на перспективу. В век расцвета плюрализма, постмодернизма, толерантности иногда так желанны четкие установки (и для взрослых тоже!), что такое хорошо и что такое плохо. Родители знают также, что небольшое воздействие, тем паче воздействие «случайное», ситуативное, косвенное, на порядок сильнее ежедневных замечаний и резких словесных ударов. Можно рассказать истории из жизни, как, например, в казачьей семье с их уникальной культурой, в том числе песенной, мама ударила взрослую дочь по губам до крови всего-то за то, что та произнесла слово *чёрт*. *«Иди рот с мылом вымой!»* – иногда ведь действительно заставляли мыть рот, чтобы запомнилось. Еще один способ – выстраивание угрозы хорошего будущего: *Кто тебя замуж возьмет с такими словами?* Как это ни странно, но дети думают о будущей семье даже

чаще, чем о будущей профессии! Дочь преподавательницы увлекалась жвачками, мамины слова не действовали, но в один прекрасный день третьеклассница приходит из школы и торжественно просит маму не покупать ей жвачек. Оказывается, в школе провели беседу, что жвачка приводит к бесплодию.

Итак, если не приводить примеров и не повторять того, что всем давно и хорошо известно, зачем вообще писать статью? А вот зачем. В отношении сквернословия далеко не всё хорошо известно. И родителям и особенно воспитателям детских садов необходимо владеть ситуацией. Во-первых, знать, что именно считать сквернословием (кроме того, что и так ясно!). Во-вторых, знать, какие сейчас функционируют коварные мифы, подпитывающие распространившееся во всех слоях общества сквернословие. В-третьих, знать способы преодоления этого национального зла. О тотальном распространении нецензурной лексики мы писали ранее¹. Обратимся сначала к первому из трех заявленных аспектов раскрытия проблемы сквернословия – не столько детского, сколько взрослого, «считываемого» детьми.

Если мы хотим победить в себе сквернословие, мы должны выполнять следующие предписания.

1. Не говорить существительные, прилагательные, глаголы с корнем МАТ-, что равносильно сквернословию. *Она ругается (выражается, сквернословит, грязно говорит)* (но не *Она мат....ся!*). Такой глагол приходится слышать даже из уст преподавателей вуза, филологов.

2. Исключить из употребления эвфемизм *блин*, получивший широкое распространение. Эвфемизмы в живой речи нужны. Младшие дошкольники уже понимают, что некоторые физиологические процессы называть напрямую неприлично. Эвфемизм – это замена плохого слова на нейтральное, «хорошее». Но с *блином* другая ситуация: по первым двум звукам это замена одно из самых сильных ругательств.

¹ Харченко В.К. Молодежи о сквернословии // Русский язык в школе. – 1997. – № 1 – С. 97-101.

3. Не будем рассказывать анекдот (стихотворение, в частности детскую страшилку), не будем петь частушку, не будем цитировать дословно чьи-либо слова, если там есть хотя бы одно неприличное слово. Дефицит смешного разрешает много раз повторять полюбившийся анекдот (с «бородой», а все равно смеемся!), или рассказ о комической ситуации. Но в этом озвучивании чужого смешного не должно быть обценной лексики, инвектив (непечатных слов).

4. Названия начальных букв сочтём полноценными словами-ругательствами: культурнее они, эти «буквы», нас не сделают: мы не буквами мыслим, мы сразу же все декодируем.

5. Поостережемся употреблять лавину фразеологических оборотов со словом *черт*. Я сама обожглась на этом слове. В июне 2006 г. я выступала с пленарным докладом в Славянске-на-Кубани, и среди участников конференции был священнослужитель. Речь у меня шла о том, что некоторые разговорные, почти случайно услышанные словесные формулы помогают нашей крепости, как мне в свое время помогли слова, которыми руководствовалась подруга по аспирантуре, вспоминая начало своей преподавательской деятельности. *А с начальством у тебя были проблемы?* – спросила я. – *Не было!* *Я сказала себе: да я и с чёртом сработаюсь!* Хороший лозунг, но священник сразу стал креститься, а мне на трибуне стало стыдно: профессор – и такое слово!

6. Ругательства не удастся заменить аналогами: мы все равно выругались, даже если прибегли к «параллельным словам»: *ё-моё*, *ёлки-палки* (этим завуалированным ругательством называют сейчас мебельные магазины!), *бык тебя забодай*. В воспоминаниях одной известной лагерницы рассказывается, как на лесоповале сосланный лингвист долго терпел, потом выругался (именно выругался, хотя употребил всего-навсего фонетические термины!): *Ах ты, задненёбный фрикатив!* В повести Ирины Шамановой «Улица Пирамидальных тополей» маленькая девочка, играя в куклы, повторяет реплику

соседа, в которой зашифровано ругательство: «*Да едят вас мухи!*» (Звезда. – 2007. – № 12).

Перейдем теперь ко второму вопросу – вопросу о мифах, поддерживающих и питающих сквернословие.

1. Сквернословие базируется на *мифе* о свободе слова. Дело всё в том, что так называемая свобода слова – это свобода содержания, но отнюдь не свобода выражения. За свободу выражения можно и срок получить по статье 130 УК РФ, и штраф заплатить (в Белгородской области с 2004 года уже введены такие санкции!). Унижением чести и достоинства лица, выраженным в неприличной форме, то есть ОСКОРБЛЕНИЕМ, считаются а) прозвища, высмеивание имени, отчества и фамилии; б) инвективы (нецензурная лексика); в) зооморфные сравнения (сравнение с миром животных); г) оценочные прилагательные, адресуемые личности в целом; д) слова, подчеркивающие интеллектуальную или физическую неполноценность человека.

2. Сквернословие поддерживается *мифом* о том, что будто бы оно помогает выразить сильные чувства. Конечно, здесь недоработка филолога-прикладника: мы должны искать и находить формулы выражения сильных переживаний, а, набрав определенный фонд крылатых слов, пропагандировать их, внедряя в коллективное бессознательное. И в то же время популярно объяснять, что сквернословить плохо и сквернословящий, что очень важно, в глубине сознания сам осознает, что поступил плохо, потому такой каскад облегчения и не приносит, разрушая невидимый хрусталь самоуважения, на котором, собственно, все и держится в нашей психике.

3. К коварным последствиям приводит *миф*, как и в ситуации с алкоголем, о том, что в малых дозах и/или в определенных ситуациях сквернословие допустимо (в узком кругу, среди мужчин). Бороться с таким мифом помогает угрожающий образ джинна, выпущенного из бутылки: не остановить, не вернуть. «*Мы не ругаемся, мы разговариваем!*» – реплика, услышанная от одного из трех мужчин на остановке в ответ на замечание со стороны

проф. И.А. Стернина. Сквернословие стало выполнять функцию хезитации, то есть заполнения пауз.

4. Сквернословие подпитывается *мифом* о том, что ругаются все, а значит бороться бесполезно. В поддержку своему убеждению «приглашают» классиков, того же Пушкина, мол, Пушкин тоже употреблял. А я отвечаю: ну и что? Всему подражать? Вот М.Е. Салтыков-Щедрин считал, что первым словом начальника, должно быть... (догадываетесь, какое?). А я так не считаю, потому что хорошо помню, как поехала у меня планка уважения к преподавательнице, которой я подражала в первые годы своей работы, когда эта женщина сказала всего одно слово. Что это за судьба (а начальство часто принимает творческие решения, идёт на риск, работает много и интенсивно!), если к воспоминаниям о тебе всенепременно будут добавлять: *А как он ругался!?* Так что Михаил Евграфович не совсем прав.

4. Сквернословие зиждется на *мифе* о том, что, мол, хочу – и ругаюсь. Но вскоре оказывается, так же, как с алкоголем: когда не хочу – тоже ругаюсь. Чем больше в твоей речи ругательств, тем «невозможнее» обходиться без них. В психиатрии известен СИНДРОМ ТУРЕТТО, когда человек забывает все слова, кроме «этих», полностью переходя на язык самооскорбления.

6. Коварным можно считать также *миф* о том, что сквернословие такой же недостаток современного речевого поведения, как использование иностранных слов или словесного «мусора» (*типа, как бы, короче*). Сквернословие НЕЛЬЗЯ СТАВИТЬ В ОДИН РЯД абсолютно ни с чем, иначе мы снимаем остроту проблемы, тем более что «все остальное», даже повторы слов (но не слова *блин!*), необходимы говорящему как ритм самой ответственной для него повседневной речи, когда нет черновики. Впрочем, это отдельная тема.

7. *Миф* «Как русские, никто не ругается!», с одной стороны, отнюдь не способствует прекращению или хотя бы приуменьшению брани, а с другой, в корне неверен. Ругательства ЕСТЬ В КАЖДОМ ЯЗЫКЕ, и в той же Америке, по отзывам тех, кто там преподавал длительное время, и профессор, и сту-

денты, тоже в функции хезитации, говорят отнюдь не эвфемизмами (*блин*), а используют кое-что похуже, однако попробуйте покритиковать Америку!

Мы привели сейчас далеко не все проявления мифотворчества. Кстати, интеллигент (а интеллигент – это, прежде всего, самостоятельность мышления и индивидуальная культура!) как раз и призван плыть против течения, бороться с коварными мифами, спасать нацию. Как противостоять злу? Сформулируем ряд положений в форме кредо.

1. Отношение интеллигенции к сквернословию (политиков и ученых, книгоиздателей и телеведущих, преподавателей и воспитателей, писателей и журналистов, а также руководителей разных рангов как лидеров социальных групп) должно быть **ОДНОЗНАЧНО ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ**. «Это есть, это звучит, но это плохо. Всегда плохо!». *Нет, Вы скажите, когда все-таки можно ругаться! В небольших дозах...* – спрашивали меня во время записи телеинтервью 19 ноября 2008 г. Мой ответ «*Никогда*» ну очень не понравился, я это почувствовала. Не толерантный ответ, однозначный, примитивный, убогий. Куда как лучше: *иногда можно и нужно!* Вот в этом «иногда» и таится ловушка. Как в ситуации с алкоголизмом.

2. Не все, что есть в жизни, должно быть в книге. Книга может оставаться фильтром коллективного бессознательного. При отсутствии внешней цензуры **ВНУТРЕННЯЯ ЦЕНЗУРА** могла бы работать на полную мощь. Зачем издавать книги, некоторые страницы которых нельзя прочитать вслух?

3. Если **ХОТЯ БЫ ОДИН ЧЕЛОВЕК** в обществе не сквернословит – еще не все потеряно (выстраивание жизни по пассионарному принципу «Я исключение»). Когда-то мы скандировали из В. Маяковского: *Единица – вздор, единица – ноль...* И дальше про то, что один даже бревна не поднимет. Но вот древний кельт в сказаниях о друидах мог выйти один и остановить разъяренную толпу. Мы можем больше того, что можем. Все и начинается с одиночек, и нашим детям придется прививать талант одиночества, не подражания плохому.

4. Возраст очищает речь: оставим опыты с языком, тот же жаргон, молодым, а сами будем олицетворять красивое понятие «ЭСТЕТИКА ВЗРОСЛЕНИЯ», не старения (это тоже парадокс нашей культуры – начинать говорить о старости, пенсии, давлении, забывчивости чуть ли не в 55 лет!). «В России надо жить долго» – в том числе и для сохранения уровня культуры. С бабушек и дедушек начинается та самая культура России, которая во многом остается непревзойденной. Так надо же и жить подольше (по пословице «Умирает не старый, а поспелый»). Вот тема для разговора на родительских собраниях.

5. Филологу, лингвисту, которого нередко журналисты атакуют просьбами: расскажите о происхождении какого-нибудь ругательства, объясните, за какие слова нужно штрафовать, а за какие не следует, необходимо чаще оперировать к понятию ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ТАБУ: этимология ругательств не тема для обсуждения. Кстати, в том самом интервью с тележурналистами я и сослалась на профессиональное табу, запрещающее публично беседовать о том, когда и какие ругательства появились в русском языке и что означали.

6. Лучше говорить о том, например, что ИМЯ ЧЕЛОВЕКА может служить защитой от использования им бранных слов. Называйте как можно чаще по имени и ребенка, и любого другого члена семьи, тем более что русский язык богат суффиксальными формами диминутивов: и *Оксаник*, и *Димочка*, и *Светиус*, и *Лизок*, и *Дашунчик*, и *Ленчик*, и *Васенька*, и *Валерушка*, и *Ирчик*. Все это должно «работать». Михаил Бахтин писал, что имя – самое положительное слово для человека². Между тем имя уходит из семьи: *Ты почему не слушаешься? Сколько раз тебе повторять? Давай мой руки!* По телевидению рассказывали, как мальчика записали в группу ЗПР (диагноз: задержка психического развития), так как он не мог назвать своего имени. А откуда он мог знать свое имя, если в Доме ребенка его называли по фамилии? (2008 г.).

² См.: Бахтин М.М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. – 1992. – № 1. – С. 147.

7. Защитой от сквернословия на какое-то время может стать также ПОХВАЛА, комплимент, элементарный живой интерес к личности другого. Воспитатель детского сада (ДОУ) может научить родителей, как правильно хвалить детей. В Америке действовали соответствующие курсы. Похвала, оказывается, должна быть максимально конкретной. Все, наверное, были свидетелями, как на родительское «Молодец!» ребенок отвечал взрывом взбалмошной агрессии: он знает в глубине души, что не молодец, и пытается сбросить обобщающую похвалу. Ходившая на те курсы мать задумалась, за что бы похвалить восьмилетнего сына. «Ты знаешь, Крис, когда мы были в супермаркете, ты так хорошо все расставил на тележке, что не пришлось брать вторую тележку!» (в Америке продукты покупают на неделю, не бегают по несколько раз в день по магазинам!). Мальчик покраснел, ничего не ответил, ушел в комнату матери, все вынул из шкафов и стал раскладывать: у него же талант! Поучимся такой похвале, точечной, но правдивой: А вот букву «И» ты хорошо пишешь! Может, эта «И» вытянет и другие, более трудные для каллиграфии буквы. Но мы несколько отвлеклись.

8. Способом сопротивления речевому злу может стать ПРИЕМ БОЙКОТА: не поощрять, если это в нашей власти, и, наоборот, в системе поощрений в ситуациях повального сквернословия чистоту речи признать достойной отдельной награды, отдельного восхищения, публичной положительной оценки.

9. Способом сопротивления злу может стать более откровенный разговор о трудностях работы и быта, трудностях, требующих высокого напряжения души. Как сделать это напряжение осмысленным и плодоносным, как сделать терпение – веселым³, как РАБОТАТЬ С СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНЬЮ – все это вопросы не только к психологу, социологу, экономисту, но и к филологу-прикладнику, владеющему фондом малоизвестных афоризмов, по-

³ Автор известного рассказа «Честное слово» писатель Леонид Пантелеев с благодарностью вспоминал, как мама учила его *веселому* терпению!). – Л. Пантелеев. Я верую. Главы из автобиографической книги // Новый мир. – 1991. – № 8. – С. 143.

слов, крылатых слов, способных успокоить и поддержать. Управление коллективным бессознательным процесс трудный, но здесь, как и в других областях деятельности, даже небольшие, но искренние усилия могут дать неожиданно большой результат. «Все» не перестанут ругаться, но интеллигент, выполняющий функцию идеалоносителя нации, вполне может говорить достойно.

А я решила, что таких слов говорить не буду, – тихое признание старшего может со временем стать путеводной звездой и для тех, кто на порядок моложе, и для тех, кто ниже по социальному статусу. Почему *так* надо решить для себя? Потому что каждым из нас накоплен собственный уникальнейший опыт восприятия жизни, равно как умения жить. Этот опыт бесценен для нации и для близких, но от плохого слова, как от радиации, страдают все сказанные слова. Сквернословящих, нас не будут СЛЫШАТЬ (И так-то не очень слушают!)

То, что мы сейчас привели, может служить материалом для беседы с родителями, но эта беседа, предупредим, окажется весьма острой. Вас закидают риторическими вопросами: *Вот Черномырдин ругается... Почему газеты печатают статьи с такими словами? С экрана мы слышим – ребенок разве устоит? А молоденькие девушки как стали ругаться!* и т.д. и т.п. Все это так. Но счет идет на единицы. И жизнь у нас одна. Не будем презирать тех, кто привык к плохому слову: каждый человек в нашем окружении бесценен! Но сами для себя мы должны все-таки решить, каким зеркалом: чистым или грязным – будет наша речь в восприятии наших родителей и наших же детей.